

Анастасия Орлова

ГЛАВНОЕ СЛОВО

18+

Анастасия Орлова

Проект любовь

<https://litres.ru/74014956>

SelfPub; 2026

Аннотация

Её ледяная броня — единственное, что спасало её три года, но он умеет плавить даже самый твердый лёд.

Катя Волкова перестала верить в чудеса в тот день, когда любимый мужчина назвал её предательницей. Она уехала, вычеркнула его из памяти и построила новую жизнь. Карьера, уважение коллег, спокойствие — у неё есть всё. Кроме любви.

Даниил Орлов три года искал женщину, которую потерял по собственной глупости. И когда нашёл, понял: теперь всё будет иначе. Даже если она ненавидит его. Даже если видит в нём только начальника. Даже если между ними — стена из обид и невысказанных слов.

Но когда судьба снова сталкивает их за одним чертёжным столом, Катя понимает: её ледяная броня дала трещину.

И теперь им предстоит не просто сдать сложный объект. Им предстоит построить кое-что гораздо более сложное. Доверие. Прощение. И любовь, которая не боится второго шанса.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Анастасия Орлова

Проект любовь

Глава 1

Дождь за окном не стучал, а шипел — зло, по-змеиному. Мелкий, назойливый, он превращал ночной город в размытую акварель, где огни фонарей расплывались в слепящие, бессильные пятна. Казалось, сама природа решила напомнить ему, что существуют вещи, неподвластные чертежам и линейкам.

Даниил Орлов стоял у панорамного окна своей безупречно холодной квартиры-лофта, наблюдая за этой абстракцией. В руке бокал с виски. Второй за вечер. Или третий? Он потерял счёт три года назад.

Внутри всё было так же безупречно и мертво, как и снаружи. Бетон, стекло, хром — ничего лишнего, ничего живого. Даже фикус в углу, который подарила дизайнер интерьеров, пытавшаяся «очеловечить» пространство, сдох через две недели. Даниил тогда не выбросил сухой ствол, нет, он оставил его в кадке с пересохшей землей — как напоминание. Напоминание о том, к чему приводит попытка впустить в свою жизнь то, что нельзя контролировать.

Архитектор должен жить в пространстве, которое сам

проектирует, — твердил он себе, глядя на своё отражение в темном стекле. Его квартира была подтверждением тотального контроля. Контроля над линиями, над светом, над функционалом. Он выверял миллиметры в своих зданиях, но не смог удержать ту единственную, которая однажды на зло всем его расчетам просто вошла в его жизнь и перевернула её с ног на голову.

Звонок телефона разорвал тишину — резкий, деловой, не терпящий возражений. Он взглянул на экран — неизвестный номер. Обычно он игнорировал такие вызовы, считая их частью хаоса, который он так ненавидел, но в этот поздний час что-то дрогнуло внутри. Глупый, давно закопанный инстинкт ожидания или, скорее, инстинкт самобичевания — желание получить новый удар судьбы, чтобы вновь упиваться своей виной.

— Даниил, — произнес он сухо, поднося трубку к уху. В голосе ни тени вопроса, только сталь и вежливое отчуждение.

— Господин Орлов? — Голос на том конце был молодой, подчеркнуто вежливый и совершенно незнакомый. — С вами говорит Анастасия, помощница Артёма Владимировича Крылова из «Атриум-Проект». Простите за поздний звонок, Артём Владимирович только что вернулся со стратегической сессии и настоял немедленно с вами связаться.

«Атриум-Проект».

Даниил знал. Название ударило где-то под дых, выби-

вая воздух. Крупнейшая архитектурная мастерская страны. Мечта любого архитектора. Его бывшая мечта. Место, куда нельзя было просто устроиться. Туда приглашали, как когда-то Он мысленно оборвал себя, запретив сходить с накатанной колеи.

— Слушаю, — голос Даниила стал еще суше, превратившись в шелест бумаги. Он сделал глоток виски, позволив обжигающей жидкости замаскировать волнение в голосе.

— Артём Владимирович восхищен вашим портфолио, особенно работой над культурным центром в Порту. Он хотел бы предложить вам возглавить направление по проектированию общественных пространств в нашей компании. Обсудить детали лично. Возможен ли завтрак, скажем, в девять утра?

Даниил закрыл глаза. Порту Его лебединая песня. Проект, который он выстрадал в изгнании, в горьком одиночестве, пытаясь доказать самому себе, что он еще чего-то стоит, что он не сломлен, что он жив.

Он должен был чувствовать торжество. Ликование. Это был знак свыше, подтверждение его гениальности. Но внутри была лишь знакомая до тошноты пустота. Бетонная пустота его собственного лофта.

— Завтрак в девять. Я буду.

Он отключился, не прощаясь. Не потому, что хотел казаться грубым, а потому, что понял: еще одно слово — и он сорвется.

Телефон выскользнул из пальцев и мягко упал на кожаную обивку дивана. Даниил подошел к барной стойке. Рука не дрогнула, когда он плеснул в бокал еще виски. Лёд звякнул о стекло, издав звук, похожий на бой курантов, отсчитывающих его личный апокалипсис.

«Атриум-Проект».

Слово отозвалось в памяти глухой, ноющей болью. Именно оттуда три года назад пришло письмо с предложением о работе. Для неё. Для Кати. Он тогда радовался за неё, дурачина. Наивный мальчишка, поверивший, что может быть счастлив за двоих. Он предлагал отметить. Купил шампанского. А через неделю его идеально выстроенный мир рухнул, превратившись в груды битого стекла и ржавой арматуры.

Он снова вспомнил её. Не на высокой должности в «Атриуме», а в своем тогдашнем кабинете. Бледную, с огромными глазами, полными слёз, которые она так отчаянно пыталась сдержать.

«Дани, я не делала этого. Ты должен мне верить. Посмотри на меня! Это не я!»

Он смотрел. Он смотрел на цифры в отчёте, которые, словно стрелки компаса, указывали на неё. На стертую подпись, стилизованную под её почерк. На показания коллеги, который «случайно» видел, как она работала за его компьютером. Все было так очевидно. Так чудовищно, непоколебимо очевидно.

Он отверг её доводы. Отрезал. Холодно, жестоко, с наслаждением палача, загнанный в угол собственным разбитым самомнением. Ему казалось, что ярость от предательства сжигает его изнутри, но сейчас, спустя годы, он понимал: его душил страх. Страх перед тем, что он ошибся. Страх перед тем, что идеальный контроль дал трещину.

Он сказал ей то, за что теперь готов был вырвать себе язык. Каждую ночь он прокручивал эти слова в голове, вписывая их в бетонные стены своей квартиры как клеймо.

«Убирайся. И не смей больше здесь появляться».

Она не стала спорить. Слезы высохли моментально, словно их и не было. Она просто посмотрела на него. Взглядом, в котором было столько боли, что ему физически стало нечем дышать. Развернулась и вышла, даже не хлопнув дверью. Тот звук закрывающейся двери потом преследовал его громче любого удара.

На следующий день пришел официальный отказ от должности в «Атриум-Проект». А еще через день он узнал, что она уехала из города. Навсегда.

А через месяц правда, уродливая и банальная, всплыла наружу. Виновным оказался тот самый «доброжелательный» коллега. Завистник, завидовавший Даниилу и влюбленный в Катю. Подлог, подстава — все ради того, чтобы убрать соперника и произвести впечатление на девушку. Слишком поздно.

Даниил пытался её найти. Сначала с бешеной, одержимой

страстью, потом — с тупым, механическим упорством. Звонил — номер не существовал. Писал на электронную почту, в мессенджеры — письма отскакивали. Ездил к её родителям — те, бледные и молчаливые, смотрели сквозь него. Они ничего не знали. Или не хотели знать убийцу счастья своей дочери.

Она исчезла. Растворилась, как будто её и не было. Оставила его одного в его идеальном, выстроенном из вины и самобичевания аду. А он он строил. Проект за проектом. Он превращал пространства, но внутри себя носил одну и ту же черную дыру.

Он отшвырнул пустой бокал. Тот, звеня, покатился по столешнице, но не разбился. Даже этому не суждено было случиться в его тоталитарном мире. Все предметы здесь были подобраны так, чтобы выдерживать его гнев.

«Возглавить направление» — эхо слов ассистентки пульсировало в висках. Это был его шанс. Вернуться на вершину. Туда, где он должен был быть. Стать тем, кем когда-то хотел стать.

Он машинально прошел в кабинет, сел за компьютер. Экран осветил его лицо голубоватым, безжизненным светом. Первое, что он сделал, прежде чем изучать контракт или историю «Атриума», — он вбил в поиск ее имя.

Екатерина Волкова.

Как и сотни раз за эти три года. Результаты были прежними: старые статьи, упоминания в соцсетях общих знако-

мых, где её фото были всё теми же, трехлетней давности. Он уже хотел выключить компьютер, когда взгляд упал на раздел «Команда» на сайте «Атриум-Проект». Его пальцы сами потянулись к тачпаду.

Управляющий партнер — Артем Крылов. Директор по проектированию Начальник отдела общественных пространств

Сердце пропустило удар, когда он прочитал следующую строчку.

Заместитель начальника отдела.

Фото было другим — строгим, деловым. Волосы, которые он так любил распускать, были убраны в тугую, безупречный пучок. Взгляд — серьезный, прямой, почти вызывающий. Губы поджаты. Ни тени той мягкости, что он помнил. Ни тени той уязвимости, которую он когда-то растоптал. Но это была она.

Екатерина Волкова. Заместитель начальника отдела общественных пространств.

Того самого отдела, главой которого только что предложили стать *ему*. Даниил откинулся на спинку кресла. Комната не поплыла — она рухнула. Все линии, которые он так тщательно выстраивал в своей жизни, изогнулись, лопнули, превратившись в ту самую абстракцию за окном.

Он нашел ее. Спустя три года. Не в забвении, не в бегах, а там... наверху. В компании его мечты. Ждущей его в подчинении.

Его пальцы сжали подлокотники кресла так сильно, что побелели костяшки. Он представил, как зайдет в кабинет Крылова. Как повернется. Как увидит ее. Что будет в ее глазах? Ненависть? Ледяное равнодушие? Или, что хуже всего, — полное отсутствие всякого узнавания, будто он для нее пустое место?

А что будет в его? Сможет ли он выдержать этот взгляд? Сможет ли смотреть на нее сверху вниз, как того требует должность, зная, что та высота, на которой он стоит, — это плата за предательство, которого он не совершал, но чья тяжесть давит на плечи сильнее любого контракта?

Виски горьким привкусом подкатил к горлу. Он сглотнул, чувствуя, как сухость во рту сменяется солоноватым привкусом крови — так сильно он сжал челюсти.

Дождь за окном больше не шипел. Он затих, притаился, словно наблюдал за ним.

Даниил медленно, словно заводя механизм бомбы замедленного действия, закрыл ноутбук. Он не улыбался. В его мире не было места улыбкам. Но в уголках его губ залегла жестокая, новая складка — не предвкушение, а стальной, холодный расчет хищника, который наконец-то увидел добычу, способную либо исцелить его, либо добить окончательно.

Завтрак в девять.

Он будет.

Глава 2

Утро встретило его обманчивой прохладой — прозрачной, безжалостной, выверенной до последнего блика. Ночной дождь, словно искусный реставратор, смыл с города всю шелуху, всю фальшивую мишуру, оставив лишь суть: четкие, резкие линии, бескомпромиссные геометрические формы. Именно таким Даниил всегда и видел мир. Совокупностью незыблемых конструкций, где каждая точка опоры выверена до миллиметра, каждая нагрузка просчитана на годы вперед. Мир подчинялся его правилам, его чертежам, его контролю. Но сегодня эти линии дрожали. Они вибрировали на периферии зрения, как мираж над раскаленным асфальтом, отказываясь подчиняться законам геометрии, которые он так свято чтит.

Он ехал на встречу в своем темном седане, пальцы вцепились в руль так, что кости проступали под кожей белыми, почти мраморными выступами. Город проносился за стеклом — стекло, бетон, сталь, его стихия, его крепость, — но он его не видел. Он смотрел внутрь себя. Он видел ее лицо на экране монитора. Серьезное, собранное, чужое. С лицом, которое когда-то знал лучше, чем собственные черты.

Его мозг, заточенный на анализ и поиск решений, беспомощно буксовал. Он мог рассчитать нагрузку на несущую конструкцию небоскреба с точностью до грамма. Он мог

предвидеть, как здание будет взаимодействовать с ветром, светом, временем. Но он не мог просчитать одно: что он скажет ей? С чего начнет этот разговор, который три года душил его по ночам?

С «прости»? С «я был слепым ослом»? С «я искал тебя все эти годы»?

Каждое слово, которое он прокручивал в голове, казалось фальшивым. Ничтожным. Мелкой монетой, которой невозможно расплатиться за те слово, который он выплюнул ей в лицо три года назад. Три года, в течение которых он позволил ей исчезнуть. Три года, в течение которых его гордость была прочнее любых его построек.

Он вспомнил их первую серьезную совместную работу. Спешный проект, ночь в офисе, превратившая кабинеты в поле боя. Они были завалены распечатками и кофейными стаканчиками, пустыми коробками из-под пиццы, которую так и не съели. Она сидела напротив, уставшая до синевы под глазами, с карандашом за ухом, и что-то яростно чертила. Её пальцы были испачканы графитом, волосы выбились из пучка, и она то и дело сдувала выбившуюся прядь со лба. А он смотрел на неё и понимал: он больше не хочет делать ничего в жизни так, как делал до встречи с ней. Ни один проект, ни один объект не имел смысла, если она не будет рядом.

Потом наступил рассвет. Они вышли на пустынную улицу, еще хранившую ночную прохладу, и он, не в силах больше сдерживаться, взял её за руку. Она не отняла. Просто

замерла, прижавшись плечом к его плечу. А потом засмеялась — счастливо, легко, запрокинула голову к розовеющему небу, показала рукой куда-то вверх и сказала: «Смотри, Дани, какой карниз. Совсем не по ГОСТу. Кто это вообще проектировал?»

И он понял, что влюблен по уши в эту сумасшедшую, видящую мир в архитектурных деталях. В ту, кто могла спорить с ним о пропорциях до хрипоты, а потом улыбнуться так, что все чертежи теряли значение. Тогда все было просто. Ясно. Как чертеж с точными размерами. Как идеально выверенный план.

А потом всё рухнуло.

Его уверенность, его доверие, его любовь — все было обращено в прах одним ударом. И он, архитектор, строитель, человек, который должен был уметь отличать истинную трещину в фундаменте от игры теней, вместо того чтобы искать скрытые дефекты обвинений, взял и снес всё к чертям собственноручно. Он был не строителем в тот день. Он был бульдозером.

Ресторан оказался таким, каким и должен быть ресторан для деловых завтраков: светлым, дорогим, стерильным. Ничего лишнего. Никакой души. Стеклянные перегородки, кожаные кресла, приглушенный гул голосов — звуковой фон, не нарушающий деловой этики. Даниил вошел, и его шаги утонули в толстом ковровине, словно даже звук здесь подчинялся правилам.

Артём Крылов уже ждал его у столика у окна. Мужчина с благородной сединой на висках, внимательными глазами профессионала, который умел разглядеть талант за милю, и легкой, почти неуловимой улыбкой человека, привыкшего получать то, что хочет.

— Даниил, — Крылов поднялся, протянул руку. Пожал его ладонь крепко, по-деловому, оценивающе. — Рад, что вы нашли время. Знаю, как тяжело вырваться из мастерской, когда проекты горят.

Они сели. Заказали кофе. Заговорили о проектах, о рынке, о видении развития направления. Даниил отвечал машинально, его профессиональное альтер-эго работало на автопилоте, подкидывая нужные термины и уверенные фразы. Он говорил о синергии, о стратегии, о формировании команды — слова лились легко, как вода из крана, не задевая внутренних глубин. А сам он был пуст. Абсолютно пуст. Вся его сущность, все нервные окончания были сконцентрированы на двери, ожидая её появления.

И он увидел её за секунду до того, как она вошла. Какая-то древняя, звериная часть его существа уловила изменение воздуха, смещение невидимых линий.

Она появилась не как призрак из прошлого, не как видение, рожденное виной и тоской. Она вошла как совершенно реальная, очень деловая, очень собранная женщина. В строгом костюме цвета морской волны — глубокого, насыщенного оттенка, который подчеркивал ее хрупкость и в то же

время делал ее неуязвимой, словно броня. Волосы, как на том фото, были убраны в тугую, безупречный пучок, открывая высокий лоб и изящную линию шеи. В руках она несла планшет и кожаную папку с документами. Каждый ее жест был выверен, каждое движение — функционально.

Даниил перестал дышать. Легкие отказывались работать, сердце пропустило удар, потом забилось где-то в горле, оглушая.

— Екатерина, прекрасно, что вы присоединились, — Крылов одарил её легкой, почти отеческой улыбкой. — Знакомьтесь, это Даниил Орлов, наш новый руководитель направления. Даниил, это Екатерина Волкова, мой зам и ваша правая рука. Без нее здесь никто ни шагу не ступит. Честно скажу: я переманивал её полгода, и это была лучшая инвестиция в мою команду.

Она подняла на него глаза. Карие. Глубокие. Те самые глаза, в которых он когда-то тонул, как в омуте. Но теперь в них не было ничего. Ни ненависти, ни гнева, ни удивления, ни боли. Ничего. Абсолютная, выверенная до миллиметра профессиональная нейтральность. Словно перед ней сидел не мужчина, который три года назад разбил её жизнь, а очередной партнер, поставщик, коллега. Безликий человек.

— Даниил, — кивнула она ему.

Тон был ровным, отполированным до такого блеска, что любое слово соскальзывало с него, не находя зацепки. Как будто она впервые слышала это имя. Как будто оно никогда

не значило для неё абсолютно ничего. Она протянула ему руку — жест вежливости, не более. Её пальцы коснулись его ладони на секунду: холодные, сухие, чужие. И исчезли, оставив после себя пустоту, которая была хуже любого ожога.

— Екатерина, — выдавил он.

Голос показался ему хриплым, чужим, словно принадлежал кому-то другому. Он услышал в нем то, что другие бы назвали волнением, а он сам назвал бы паникой.

Она села напротив. Аккуратно, бесшумно. Разложила бумаги перед собой, включила планшет, и в этом движении было столько привычной, въевшейся в кровь дисциплины, что Даниил вдруг остро понял: она строила себя заново. Кирпичик за кирпичиком. Из руин, которые он оставил после себя.

— Артем Владимирович, по поводу эскизов по «Нефтянику», — обратилась она к Крылову, и ее голос стал деловым, энергичным. — Там возникли вопросы от заказчика по вентиляционным шахтам. Я подготовила три варианта решений с разной бюджетной нагрузкой.

И все. Ее внимание было полностью поглощено работой. Она цитировала спецификации, цифры, дедлайны. Говорила о коэффициентах, о нормативных документах, о согласованиях. Она смотрела на Крылова, на планшет, на бумаги — на кого угодно, только не на него. А когда ее взгляд случайно скользил в его сторону, он проходил сквозь него, как свет сквозь чистое стекло.

Даниил сидел как парализованный. Его разум, еще ми-

нута назад лихорадочно прокручивающий сценарии извинений, теперь гудел белым шумом. Эта ледяная стена, которую она возвела между ними, была хуже любой истерики. Хуже любого упрека, любого крика. Она была тотальным отрицанием всего, что было между ними. Она вычеркнула его из своей истории, как стирают карандашный набросок с листа бумаги. Как будто тех ночей, тех рассветов, того «смотри, Дани, какой карниз» никогда не существовало.

Он смотрел на ее руки — те самые руки, которые он когда-то держал в своих. Теперь они уверенно перелистывали страницы, делали пометки стилусом. Ни одного лишнего движения. Ни какой дрожи.

Крылов, кажется, ничего не замечал. Он шутил, говорил о будущем их блестящего сотрудничества, о синергии, о том, как «такой тандем» выведет направление на новый уровень. Даниил механически кивал, вставлял нужные реплики, улыбался в нужных местах. Его тело было здесь, в этом стерильном ресторане. Его душа застыла где-то между прошлым и настоящим, не в силах приземлиться.

В какой-то момент — она отвечала на технический вопрос Крылова о сроках проектирования — Катя подняла на него глаза. Прямой взгляд. Впервые за этот час. И на долю секунды маска профессиональной вежливости дала трещину.

В глубине этих карих глаз, на самом дне, куда никто, кроме него, не мог заглянуть, он увидел это. Не боль — она вы-

плакала ее три года назад, вероятно, в подушку, чтобы никто не слышал. Не любовь — она убила ее собственноручно, как убивают то, что причиняет слишком много боли. Не прощение — до него было так же далеко, как до звезд.

Он увидел предупреждение. Железное.

«Ты здесь начальник. Я — твой заместитель. Это все, что нас связывает. Пересечешь черту — и я уничтожу тебя. Не потому что ненавижу. А потому что не позволю тебе снова разрушить то, что я строила без тебя».

Маска вернулась на место. Она опустила глаза, что-то пометила в планшете, и ледяная стена снова стала непроницаемой.

Завтрак подошел к концу. Крылов поднялся, пожал им руки, обменялся с Даниилом парой фраз о завтрашнем дне, о том, что «Катерина введет его в курс». И удалился на следующую встречу, оставив их одних за столом.

Тишина опустилась между ними, густая, тяжелая, материальная. Даниил чувствовал её кожей. Она собрала свои бумаги. Медленно, тщательно, не торопясь. Каждый лист лег в папку ровно, каждый угол совпал с другим.

— Катя — начал он, и голос его снова подвел, сорвался на хрип, в котором было слишком много всего: и вины, и надежды, и отчаяния.

Она остановилась. На секунду. На долю секунды, которую он успел заметить только потому, что смотрел на неё, не мигая. Она подняла глаза. Лёд. Только лёд.

— Мой рабочий день начинается в девять, — сказала она ровно, голосом, из которого ушла всякая интонация. — Я подготовлю для вас все вводные по текущим проектам к девяти утра. График согласований, техническое задание по объектам, список подрядчиков. Будем рады видеть вас в нашей компании.

Она говорила с ним как с клиентом. Как с незнакомцем. Как с тем, кому нужно предоставить услугу, не более. И, не дав ему сказать ни слова больше, она поднялась. Кивнула — коротко, сухо, на грани грубости, но в рамках этикета. Развернулась и пошла к выходу.

Ее каблуки четко отстукивали по мраморному полу. Каждый удар отмерял расстояние, которое теперь было между ними. Не три года. Не километры, которые она проехала, убегая от города, где остался он. А нечто большее. Целую вечность, сложенную из дней, которые она училась не думать о нем.

Даниил смотрел ей вслед. Его пальцы лежали на столе — неподвижные, бесполезные. Он мог бы окликнуть ее. Мог бы встать, догнать, схватить за руку, заставить выслушать. Внутри него все кипело, требовало действия, движения, слова.

Но он остался сидеть.

Потому что впервые в жизни Даниил Орлов, человек, который строил здания выше облаков, понял: он не имеет права даже говорить с ней, он этого не заслуживал.

Он остался сидеть за столом, глядя в окно на оживленный утренний город. Люди спешили по своим делам, машины двигались по идеально выверенным траекториям, светофоры сменяли цвета с математической точностью. Весь этот механизм работал, подчиняясь законам, которые он знал и понимал.

Он получил всё, о чём мечтал. Должность, признание, перспективу. Место в компании, где когда-то ему отказали. Он получил шанс доказать миру, чего он стоит.

И он получил её. Не ту, что смеялась на рассвете и спорила о карнизах не по ГОСТу. А ту, что смотрела сквозь него ледяными глазами и называла на «вы».

Почему же у него было такое ощущение, что он только что подписал себе приговор?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.